

Андреев И. Д. Основные элементы государственного строя Византии в понимании русского ученого [Рец. на:] *Грибовский В. М.* Народ и власть в византийском государстве: Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897 // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 2. С. 310–334 (3-я пагин.). (Начало.)

Основные элементы государственного строя Византии в понимании русского ученого.

(Народъ и власть въ византийскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія В. М. Грибовскаго, приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Спб. 1897 г.).

Кто интересуется исторіей Византии, тотъ знаетъ, какъ неопредѣленны и сбивчивы взгляды по самымъ основнымъ вопросамъ византийскаго государственнаго строя. Отсюда многіе факты этой исторіи кажутся загадочными, необъяснимыми. А факты, не находящіе объясненія, раздражаютъ читателя, отбиваютъ охоту знакомиться съ ними, потому что они только угнетаютъ память. Отмѣтимъ для примѣра слѣдующее, поразительное съ перваго взгляда, явленіе въ исторіи Византии. Въ періодъ 1058 лѣтъ отъ Аркадія до взятія Константинополя турками на византийскомъ тронѣ, считая императоровъ и ихъ соправителей, перебивало 109 человекъ. Изъ этого числа 34 умерли дома своею смертію, 8 пали на войнѣ или умерли отъ случайныхъ причинъ, 12 отреклись отъ престола, 12 умерли въ монастыряхъ или тюрьмахъ, 18 были или оскотлены, или ослѣплены, или лишились носа или руки, 20 были или отравлены, или задушены, или зарѣзаны, или расшиблены. Въ промежутокъ 1058 лѣтъ 65 революцій дворцовыхъ, уличныхъ и казарменныхъ ¹⁾! И рядомъ съ этими фактами читатель постоянно встрѣчаетъ извѣстія о высокомъ положеніи императорской власти въ Константинополѣ, о ея безграничныхъ полномочіяхъ, объ угодливости подданныхъ и пр. Выходъ изъ этого противорѣчія можетъ дать только

¹⁾ Alfred Rambaud. L'empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris 1870, p. 24.

тщательно построенная и хорошо вывѣренная схема отношеній между властью и народомъ на пространствѣ всей исторіи Византіи. Попытку построить такую схему и представляетъ собой книга г. Грибовскаго „Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ“. Подобная схема для приступающаго къ изученію фактовъ византійской исторіи должна оказать такую же услугу, какую оказываетъ учебникъ грамматики приступающему къ изученію иностраннаго языка: сотня правилъ даетъ возможность объяснить строй миллионовъ предложеній, изъ которыхъ каждое безъ этихъ правилъ казалось бы исключеніемъ и поддавалось бы только памяти.

Предметъ книги г. Грибовскаго, затѣмъ, вдвойнѣ интересенъ для русскаго читателя. Дѣтство нашей исторической жизни прошло подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. Многое перешло отъ нея въ нашу древнюю письменность, въ наше право церковное и гражданское, въ наши учрежденія. „Слова „византійское заимствованіе“, справедливо замѣчаетъ г. Грибовскій, сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ. (Народъ и власть... предисловіе, стр. III). Между тѣмъ предѣлы и степень этого заимствованія остаются въ нашей наукѣ почти необслѣдованными. Особенно это нужно сказать относительно пересадки къ намъ государственныхъ учрежденій и идей Византіи. Тутъ все пока одни только гаданія, часто противорѣчивыя и всегда произвольныя—произвольныя потому, что сама Византія съ строемъ своихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній для насъ до сихъ поръ загадка. Прежде, чѣмъ говорить о заимствованияхъ въ данной области, нужно произвести предварительную работу, разрѣшающую эту загадку. Вотъ этотъ „подготовительный и черновой трудъ“ и беретъ на себя г. Грибовскій въ рассматриваемой книгѣ. Трудъ этотъ—первый опытъ и въ нашей и въ иностранной литературѣ. Извѣстныя сочиненія, имѣющія отношеніе къ тому же предмету, Мортрейля, Пайяра, Гаске, Дила, Краузе, Скабалоневича и Курганова „всѣ обнимаютъ собою или черезъ-чуръ частные вопросы публичнаго права греко-римскаго государства, или же касаются его только въ отдѣльныхъ моментахъ его существованія, вслѣдствіе чего всякій желающій познакомиться съ состояніемъ политическихъ

учрежденій Византіи исключительно на основаніи работъ поименованныхъ ученыхъ рискуеть получить слишкомъ отрывочныя, разрозненныя и притомъ крайне частныя свѣдѣнія, требующія пополненія сырымъ матеріаломъ и монографіями общеисторическаго содержанія“ (стр. XIX—XX).

Въ началѣ своего изслѣдованія авторъ ставитъ опредѣленіа государства, какъ „системы сложнаго подвижнаго равновѣсія представляемыхъ политическими партіями индивидуальныхъ и групповыхъ расчленяющихъ общество интересовъ, объединенныхъ общностію культуры и быта“ (стр. 35, ср. стр. 22—23). Отправляясь отъ этого опредѣленія, г. Грибовскій устанавливаетъ прежде всего тотъ „фактъ, что большинство общественныхъ элементовъ Византіи, какъ политическаго тѣла, сложилось гораздо ранѣе формальнаго раздѣла Римской державы на двѣ части“. Эти части „различались не только по своей политической организаціи: въ нихъ были несходственны, даже болѣе того, прямо противоположны общественные интересы, ихъ группировка, вкусы, склонности, вѣрованія, убѣжденія, языкъ, происхожденіе, словомъ все, что составляетъ матеріаль самобытныхъ государственныхъ соединеній“ (стр. 35). Въ Римѣ, какъ государствѣ военномъ и воинственномъ по преимуществу, царили „порядки лагеря, перенесенные въ общественныя отношенія“. Напротивъ, „Греція до Александра Македонскаго не вела завоевательныхъ войнъ; она только оборонялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ она подчиняла себѣ кругъ извѣстныхъ древнему міру земель путемъ мирнаго завоеванія своей культурой.—Со временъ Гомера до Македонскаго владычества греческая народность претерпѣла много превратностей судьбы, но основы ея самосознанія въ общемъ остались все тѣ-же, какими онѣ были въ эпоху царей и героев. Увѣренность въ своихъ силахъ, гуманность, индивидуализмъ, способный, однако, подчиниться единоличной власти, берущей на себя обязанность наилучшаго осуществленія ей постороннихъ интересовъ, крѣпость семейнаго начала, уваженіе къ знанію, искусству, уму и таланту, предприимчивость, трудолюбіе, стойкость не измѣнили эллинскому естеству и слились въ совокупное понятіе эллинизма“ (стр. 41).—Такимъ эллинизмъ былъ въ своемъ отечествѣ—въ Элладѣ. Но очень рано разросшееся населеніе Греціи стало отли-

вать на Западъ и Востокъ. На Аппенинскомъ полуостровѣ образовалась Великая Греція, а на Востокѣ—среднія Мало-азиатскія и Ионическія колоніи. Движеніе на Востокъ получило преобладающее значеніе (стр. 43). „Придя въ соприкосновеніе съ болѣе слабой, но зато болѣе древней вдумчивой мистической цивилизаціей Востока, греческая народность, оказывая вліяніе на первую, въ свою очередь не могла въ извѣстной степени не подпасть подъ ея воздѣйствіе“ (стр. 46). Восточное „исканіе истины“, по автору отразилось въ философіи школъ Ионической, Элеатской и особенно у Платона. „Не остался безъ мѣстнаго вліянія и строй общественно-правовой жизни. Забывшіе преданія монархизма у себя на родинѣ, республиканцы греки на востокѣ снова привыкли чувствовать надъ собою единоличную верховную власть въ лицѣ преемниковъ Александра; но вмѣстѣ съ тѣмъ они наполнили азіатскую форму эллинскимъ содержаніемъ. Въ силу этого, какъ прямыя наслѣдники греческихъ царей, Птолемеи и Селевкиды въ значительной мѣрѣ могутъ быть названы платоновскими философами на тронѣ. Это признавали сами греки и высказывали при случаѣ“ (стр. 50).—„Съ завоеваніемъ Эллады и эллинизированнаго востока Римлянами мало что измѣнилось въ культурномъ и политическомъ положеніи грековъ“. Сильно пострадала только Эллада, которая была опустошена и наводнена римскими и варварскими колонистами. Востокъ избѣгъ этой печальной участи. „Въ Египтѣ, въ Сиріи, Каппадокіи, Вивиніи, Пергамѣ и прочихъ восточныхъ государствахъ война велась не противъ грековъ, а противъ ихъ государей. Указанное обстоятельство послужило къ тому, что греки, какъ одна изъ составныхъ частей населенія царствъ Птолемеевъ, Селевкидовъ и другихъ государей, не вызвали противъ себя ни раздраженія завоевателей, ни особаго нерасположенія... Вообще восточные эллины подъ римскимъ владычествомъ не потерпѣли существеннаго ущерба. Римскій элементъ привзошелъ въ очень слабой степени и ничего не измѣнилъ въ коренномъ складѣ общественной жизни“ (стр. 56—59).—Затѣмъ явилось христіанство. „Въ то время какъ на западѣ христіанское ученіе главнымъ образомъ прежде всего проникло въ низшіе классы, на востокѣ къ христіанскому ученію примкнули представители высшей интеллигенціи,

мыслители, искавшіе духовной пищи не только сердцу, но и уму“. Богатыя силы, создавшія греческую философію и поэзію, пошли на служеніе новой религіи. „Христіанство широкимъ могучимъ потокомъ разлилось по всему востоку, поглощая въ себѣ всѣ народности, видоизмѣняя нравы, обычаи, установленія, взгляды, убѣжденія... Способствуя дальнѣйшей эллинизации туземцевъ, христіанство сплотило разнородныя массы, привело въ равновѣсіе безчисленное количество групповыхъ и индивидуальныхъ интересовъ на общей всему востоку почвѣ признанія завѣта братской любви и вѣры“ (стр. 64—65). „Итакъ, заключаетъ г. Грибовскій, въ греко-восточномъ мірѣ находились на лицо всѣ элементы, изъ которыхъ складываются самостоятельныя государственныя союзы. Мало того, фактически въ лицѣ восточныхъ провинцій Римской имперіи существовало особое полунезависимое государство, которому не доставало только политическаго центра, чтобы предъявить права на полную суверенность. Реформы Константина В. довершили и закончили естественный ходъ событій“ (стр. 65) Но „упуская изъ виду мѣстныя особенности, преобразователь далъ Византіи устройство, вполне согласное съ римскими идеями. Константинополь долженъ былъ стать латинскимъ городомъ. На него императоръ перенесъ всѣ привилегіи Рима и населилъ главнѣйшимъ образомъ римскими выходцами. Спустя много лѣтъ послѣ смерти Константина, его созданіе оставалось вѣрнымъ памяти основателя и упорно хранило свою римскую фязіономію, и въ этой чертѣ кроется глубокій поражающій трагизмъ всей византійской исторіи. Никогда римское вліяніе не отзывалось такъ сильно на греческой жизни, какъ теперь, когда запечатлѣнный коварствомъ, бездушіемъ, формализмомъ, сухостію и насиліемъ романизмъ, потерявъ точку опоры на родинѣ, сталъ оффиціальнымъ знаменемъ народности, всѣмъ существомъ своимъ протестовавшей противъ навязываемой ей идеи. Однако потомки Римлянъ, массами осѣвшихъ въ восточной имперіи, толпы всевозможныхъ варваровъ-чужеземцевъ и тѣ изъ грековъ, кого плѣняло обаяніе вѣчной славы древняго города, заняли въ новой столицѣ преобладающее мѣсто и сплотились въ компактный и стойкій кадръ, объявившій централизацию, принужденіе и требованіе безусловнаго подчиненія руково-

дьящими началами своей дѣятельности. Этотъ романизмъ, принявшій христіанскую окраску и взявшій на себя задачу представительства интересовъ въ корнѣ ему враждебной имперіи, долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ наиболѣе печальныхъ историческихъ явленій. Это была часть зараженной крови запада, впущенная въ жилы обновленнаго полнаго жизни и силъ востока. Изъ столкновенія двухъ указанныхъ противоположныхъ элементовъ: христіанизированнаго восточнаго эллинизма и христіанизированнаго романизма возникла новая цивилизація, новая культура, проявленія которой до настоящаго времени еще не разслѣдованы достаточно и которая носитъ названіе византизма“ (стр. 68—69).— „Борьба романизма и эллинизма вызвала возникновеніе политическихъ партій, изъ которыхъ первая можетъ быть названа западнической, вторая эллинофильской. Западники были консерваторами, тянули сторону иноземцевъ, эллинофилы представлялись прогрессистами, народолюбцами. Лучшіе умы восточной имперіи всегда стояли на сторонѣ освободительнаго движенія, въ то время какъ все духовно-убогое, нравственно-безпринципное держалось за охраненіе римскихъ преданій формы и духа. Объясняется это тѣмъ, что представители запада издавна привыкли къ безусловному повиновенію установившимся авторитетамъ, къ насильственному проводимому единству, къ ограниченности круга духовныхъ запросовъ, въ то время какъ востокъ никогда не терялъ склонности къ самоопредѣленію и самостоятельному изслѣдованію природы всѣхъ вещей“ (стр. 70).

Такова схема г. Грибовскаго для пониманія сложныхъ и запутанныхъ событій византійской исторіи. Она же должна дать ключъ къ пониманію и государственныхъ учрежденій Византіи. Вѣдь эти учрежденія строятся всегда подъ диктовку самыхъ главныхъ запросовъ, интересовъ, нуждъ народной жизни. Разъ ясны эти запросы и интересы, можно чуть не предсказать строй государственнаго механизма, который осуществляетъ ихъ.

Для оцѣнки этой схемы необходимо прежде всего имѣть въ виду, что она представляетъ собою гипотезу. Достоинство каждой гипотезы зависитъ главнымъ образомъ оттого, насколько она покрываетъ факты, для объясненія которыхъ придумана. Если она ломаетъ и искажаетъ факты, то изъ

гипотезы она превращается въ выдумку. Поэтому вышеизложенныя разсужденія г. Грибовскаго мы не будемъ подвергать анализу: сами по себѣ они не говорятъ ничего; ихъ значеніе въ согласіи съ фактами. Нашъ разборъ будетъ сосредоточенъ на рѣшеніи вопроса, существуетъ-ли это согласіе.

Въ главѣ 3-й авторъ даетъ приложеніе своей схемы къ объясненію главныхъ моментовъ византійской исторіи, слѣдить за отраженіемъ основныхъ интересовъ византійскаго населенія въ борьбѣ партій. Въ этой борьбѣ онъ различаетъ слѣдующіе періоды: отъ Константина В. до Льва Исаврянина, отъ Льва до Василия Македонянина, отъ Василия до Алексѣя Комнина и отъ воцаренія Алексѣя до латинскаго завоеванія.

Первый періодъ „даетъ намъ картину господства римскихъ началъ въ политикѣ и ясно выражаемаго отрицанія запросовъ и требованій мѣстнаго духа и жизни“ (стр. 80). Въ чемъ же сказалось это отрицаніе? „Вплоть до самаго начала царствованія Льва Исаврянина не измѣнялась римская система раскладки и собиранія податей, служившая не къ усиленію средствъ государства, но къ разоренію гражданъ; въ продолженіе четырехъ столѣтій администрація сохраняла свой латинскій обликъ, сказывавшійся даже въ названіяхъ должностей; въ продолженіе четырехъ вѣковъ угнеталась исконная свобода восточно-греческихъ городовъ, превратившихся при посредствѣ дарованія имъ римскаго муниципальнаго устройства въ предметъ узаконеннаго утѣсненія и произвола. Нужно-ли говорить о томъ, что въ вопросы совѣсти былъ перенесенъ римскій взглядъ на исповѣдное разномысліе, какъ на политическое преступленіе. Стыдно сказать, что въ царствованіе Θεодосія Младшаго и Юстиніана В. язычникамъ и евреямъ жилось въ имперіи лучше, нежели христіанамъ, осмѣливавшимся относиться самостоятельно къ тѣмъ религіознымъ взглядамъ, которыхъ придерживался подчасъ самъ впадавшій въ ересь императоръ“ (стр. 80—81).

Эта тирада и приведенныя раньше уже своимъ стилемъ выдають въ авторѣ только юриста, выступающаго въ роли прокурора и адвоката сразу, и обнаруживаютъ въ немъ недостатокъ спокойствія, нужнаго для историка. Авторъ слыш-

комъ много удѣляетъ мѣста своимъ чувствованіямъ по поводу явленій вмѣсто того, чтобы хладнокровно изучать и объяснять эти явленія. Онъ часто гнѣвается и тѣмъ заставляетъ подозрѣвать, что для него не все понятно, потому-что *tout comprendre rend très-indulgent*.—Сейчасъ приведенная выдержка и своимъ содержаніемъ прекрасно изобличаетъ въ г. Грибовскомъ горячаго адвоката эллинизма и не менѣе увлекающагося прокурора романизма. Какъ увидимъ ниже, Льва Исаврянина онъ считаетъ отчизнолюбцемъ, лучшимъ выразителемъ стремленій и нуждъ эллинизма. Ничего не зная даже о немъ, можно предсказать, что при немъ у г. Грибовскаго все пойдетъ хорошо. До него же все должно было идти не такъ, какъ слѣдовало. „Вплоть до самаго начала царствованія Льва Исаврянина не измѣнялась римская грабительская податная система.“ Читатель долженъ думать, что Левъ перестроилъ эту систему кореннымъ образомъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, т.-е. объ этомъ ничего не извѣстно. „Впродолженіе четырехъ столѣтій“, т. е. опять до Льва Исаврянина, „администрація сохраняла свой латинскій обликъ, сказывавшійся даже въ названіяхъ должностей“. Предполагается, что Левъ все переименовалъ и тутъ. Это предположеніе имѣетъ за себя только одинъ авторитетъ—г. Грибовскаго. Въ частности, что касается латинскихъ названій должностей, то многія изъ нихъ, напр. кесаря, дуки, кубикюлярія и пр., продолжали существовать и тогда, когда у г. Грибовскаго эллинизмъ совсѣмъ осилилъ романизмъ.—За тотъ же періодъ „угнеталась исконная свобода восточно-греческихъ городов“. Пусть не думаетъ читатель, что г. Грибовскому что-нибудь извѣстно о переустройствѣ муниципальнаго режима при Львѣ Исаврянинѣ.—Авторъ, наконецъ, даже „стыдится“ говорить о религіозной нетерпимости Юстиніана и Θεодосія Младшаго. Вы подумаете, что Исаврійцы обнаруживали меньшую нетерпимость, что они дѣйствовали путемъ убѣжденія, а не насилія? Совсѣмъ напротивъ: они больше всѣхъ другихъ государей поразогнали своихъ подданныхъ въ чужіе края; они опирались въ своей проповѣди главнымъ образомъ на войско. Объ этомъ подробно будемъ имѣть случай говорить ниже. Сейчасъ пока укажемъ только на несостоятельность попытки г. Грибовскаго вообще противопоставить въ этомъ

случаѣ романизмъ эллинизму. Эллины, по его мнѣнію, не смотрѣли на религіозное разномысліе, какъ на политическое преступленіе. Но люди, нѣсколько больше освѣдомленные о религіозной жизни грековъ, говорятъ иное. Для временъ древнѣйшихъ мы укажемъ на *La cité antique* Фюстель-де-Кулянга, а для позднѣйшихъ,—на „Исторію матеріализма“ А. Ланге. Народъ греческій, говоритъ послѣдній, правда, плохо вѣрилъ въ поэтически-населенный Олимпъ, но за то онъ крѣпко вѣрилъ „въ отдѣльныя городскія и деревенскія божества, изображенія которыхъ въ храмахъ почитались, какъ особенно святыя. Не великолѣпныя статуи знаменитыхъ художниковъ плѣняли молящуюся толпу, но древнія безобразно высѣченныя и освященныя преданіемъ. И у грековъ была также упрямая фанатическая ортодоксія, которая опиралась какъ на интересы гордаго духовенства, такъ и на вѣру ищущей спасенія толпы. Это, можетъ быть, было бы давно забыто, еслибы Сократъ не былъ принужденъ выпить чашу съ ядомъ; но и Аристотелю пришлось бѣжать изъ Аѣнъ, иначе этотъ городъ во второй разъ согрѣшилъ бы прѣтивъ философіи. Протагоръ вынужденъ былъ бѣжать, а его сочиненіе о богахъ было сожжено по государственному рѣшенію. Анаксагоръ былъ схваченъ и долженъ былъ бѣжать. Теодоръ, такъ наз. „атеистъ“, а вѣроятно и Діогенъ Аполлонійскій преслѣдовались, какъ отрицатели боговъ. И все это дѣлалось въ гуманнѣхъ Аѣинахъ!.. Политическая тенденція обвиненій не устраняетъ базиса религіознаго фанатизма, а подтверждаетъ его. Если упрекъ въ *ἀσέβεια* считался однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ ниспровергнуть даже популярнѣхъ государственныхъ людей, то очевидно должна была существовать не только буква закона, но и страстная религіозность массъ“¹⁾. При такомъ воспитаніи отъ грековъ трудно было бы ожидать, чтобы въ отношеніи къ религіозному разномыслію они сдѣлались полною противоположностію римлянамъ. Послѣ мы будемъ имѣть случай показать, что даже тогда, когда по взгляду г. Грибовскаго эллинизмъ и романизмъ пришли въ Византію въ равновѣсіе, представители церваго отличались нетерпи-

¹⁾ Ф. А. Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Пер. Н. Н. Страхова, т. I, стр. 3—5.

мостью отнюдь не менѣе, если не болѣе, представителей второго.

Въ томъ же отдѣлѣ о первомъ періодѣ борьбы романизма и эллинизма г. Грибовскій приводитъ многіе другіе факты, которые должны, по мысли автора, говорить о борьбѣ, но которые доказываютъ, что ея не было, да, пожалуй, и быть не могло. Онъ отмѣчаетъ слѣды глубокаго вліянія эллинизма въ законодательствѣ византійскихъ императоровъ перваго періода (ст. 82—84), особенно въ сборникахъ Юстиніана и съ торжествомъ подчеркиваетъ, что эллинизмъ вырывался изъ удушающихъ объятій романизма. Фактъ, изъ котораго г. Грибовскій силится создать нужную для его теоріи грандіозную борьбу, въ существѣ дѣла очень простъ. Съ основаніемъ Константинополя въ восточной половинѣ Римской имперіи явилась своя особая близкая власть. Эта власть естественно стала внимательнѣе слушать и лучше слышать мѣстныя нужды и болѣе удовлетворять имъ. Римское право изучается, разрабатывается и примѣняется на востокъ греками или римскими выходцами для грековъ главнымъ образомъ и со времени Юстиніана на греческомъ языкѣ. Отсюда въ это право неизбѣжно просачивается мѣстный элементъ и во многомъ вліяетъ не только на его содержаніе, но и на форму. Можно, конечно, усматривать прискорбное давленіе романизма на эллинизмъ въ томъ обстоятельстве, что даже при Юстиніанѣ языкомъ права остается все еще языкъ латинскій. Но для ослабленія этой скорби можно указать на то, что имперія Юстиніана и не была имперіей однихъ грековъ. Его сборники назначались не только для востока, но и для *латинскаго* запада: Африки, Италіи, Испаніи и даже Галліи ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ Византія теряетъ одну за другою западныя провинціи, и право становится (въ трудахъ комментаторовъ) все болѣе греческимъ. Къ началу 8 в. Византія обнимала области только эллискія; теперь не для кого было поддерживать старую форму. Отсюда при Исаврійцахъ право мѣняется и эту фор-

¹⁾ Что сборники Юстиніана были извѣстны во Франкскомъ королевствѣ и примѣнялись тамъ, объ этомъ см. Fustel de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: l'invasion germanique et la fin de l'empire, p. 513.

му и во многомъ свое содержаніе. Таковъ закономѣрный ходъ приспособленія римскаго права къ запросамъ населенія Византіи. Возмущаться имъ можетъ только тотъ, кто всюду ставитъ и рѣшаетъ вопросы „зачѣмъ“, запретные и опасные для историка, вмѣсто вопросовъ „почему“, единственно для него обязательныхъ.

Какъ на особенно ясное доказательство того, что эллинизмъ отвоевывалъ у романизма мѣсто въ правѣ, г. Грибовскій ссылается на узаконенія Константина В. и Юстиніана въ пользу рабовъ (стр. 84) и дѣлаетъ удареніе, что эти узаконенія были удовлетвореніемъ требованій „культурной впечатлительности“ грековъ. Юстиніанъ уничтожилъ различіе между *ingenui* и *libertini*, а Константинъ В. отнялъ у господина право безнаказаннаго убіенія раба, право разъединенія его съ семьей при продажѣ, установилъ новые способы отпущенія рабовъ на волю. Обо всѣхъ этихъ мѣрахъ г. Грибовскій знаетъ изъ „Римскаго государственнаго права“ Виллемса. Къ сожалѣнію, авторъ въ этой книгѣ читалъ далеко не все, что говорится въ ней о рабахъ: иначе онъ увидѣлъ бы тамъ перечень очень важныхъ узаконеній въ пользу рабовъ, изданныхъ многими языческими римскими императорами за долго до Константина В. ¹⁾. Мѣры послѣдняго были только продолженіемъ и развитіемъ мѣръ его римскихъ предшественниковъ. Затѣмъ, въ распоряженіяхъ въ пользу рабовъ Константина и Юстиніана надо что-нибудь отнести и на долю вліянія христіанства. При такихъ условіяхъ сослаться на „культурную впечатлительность“ грековъ, можетъ быть, оказалось бы и ненужнымъ—тѣмъ болѣе, что едвали эта впечатлительность была значительна на самомъ дѣлѣ. Вѣдь, даже великій Аристотель видѣлъ въ рабѣ только „одушевленную собственность и наиболѣе совершенное изъ орудій“ и утверждалъ, что „индивидъ, стоящій ниже окружающихъ его,—рабъ по природѣ, и для него самого полезнѣе, чтобы онъ былъ рабомъ“ ²⁾.—Наконецъ, для всѣхъ разсужденій г. Грибовскаго объ улуч-

¹⁾ П. Виллемсъ. Римское государственное право. Пер. подъ редакціей Бодянскаго. Вып. 2, стр. 471; ср. стр. 472 о положеніи *servi publici* при имперіи.

²⁾ П. Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Пер. Руднева. Спб. 1897. стр. 152.

шеніи положенія рабовъ предъ закономъ характерно то, что виновниками этого улучшенія являются Константинъ В. — „представитель сконцентрированного романизма“ (стр. 89)— и Юстиніанъ — „романизированный до мозга костей славянинъ“ (стр. 87). А тѣмъ временемъ лучшій, человѣчнѣйшій чистокровный грекъ-христіанинъ 4—5 вв. провозглашаетъ, что—рабство благо (стр. 85).

Мы отмѣтили всѣ важнѣйшія мысли г. Грибовскаго въ отдѣлѣ, гдѣ онъ говоритъ о борьбѣ эллинизма и романизма въ періодъ отъ Константина В. до Льва Исаврянина, и можемъ въ заключеніе сказать, что этотъ отдѣлъ не доказываетъ того, что доказать хочется автору. Но особенно несостоятельность схемы г. Грибовскаго обнаруживается при обзорѣ имъ событій второго періода — отъ Льва Исаврянина до Василя Македонянина. Этотъ періодъ— время религіозной борьбы по преимуществу. Авторъ дѣлаетъ обзоръ религіозной политики императоровъ отъ Константина В. до Льва Исаврянина и съ негодованіемъ говоритъ о дѣйствіяхъ „духовныхъ сыновъ итальянскихъ разбойниковъ“ (стр. 92). Ему кажется, что „если бы восточно-эллипскому міру удалось объединиться и превратиться въ признанное государство подъ главенствомъ вполнѣ національнаго правительства, способнаго представить если не интересы всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большинства, дробленіе христіанъ никогда бы не достигло того напряженія, какимъ отмѣченъ долгій періодъ царствованія императоровъ романскаго образа мыслей. Безъ всякаго сомнѣнія, помимо примѣненія мирныхъ средствъ къ убѣжденію въ отношеніи заблудшихся, монархами эллинами никогда не были бы пущены въ ходъ насиліе и принужденіе, отождествляющія самоопредѣленіе въ вопросахъ совѣсти съ государственнымъ преступленіемъ. Равнымъ образомъ вполнѣ естественно, что правители, пропитанные римскими воззрѣніями и понятіями, должны были въ свою очередь поступать такъ, какъ поступали, т. е. продолжать гоненія противъ тѣхъ, которые осмѣливались оспаривать мыслія своихъ повелителей и не подчиняться ихъ приказаніямъ. Какъ бы то ни было, но тотъ *фактъ*, что первый христіанскій вѣнценосецъ, онъ же представитель сконцентрированного романизма, какъ бы продолжилъ дѣло языческихъ императоровъ, заимствовавъ

даже текстъ нѣкоторыхъ угрозъ сектантамъ дословно изъ эдиктовъ Діоклеціана противъ послѣдователей Христа, — *находится на лицо*“ (стр. 88—89).—Если не брать въ расчетъ разсужденій г. Грибовскаго, то изъ всей приведенной выдержки остается одинъ злополучный *фактъ*. Но что это за фактъ! Онъ взятъ авторомъ у Гиббона, „Исторія“ котораго, по справедливому замѣчанію проф. Энгельмана, походитъ болѣе на прагматическое разсужденіе, чѣмъ на изображеніе историческое“ ¹⁾, и который, по словамъ Порсона, „не только пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, но нерѣдко придумываетъ какой-нибудь поводъ, чтобы оскорбить христіанскую религію, которую онъ такъ искренно ненавидитъ, что точно будто старается отомстить ей за какое то личное оскорбленіе“ ²⁾. Если бы г. Грибовскій имѣлъ желаніе ознакомиться съ личностью Константина В. по другимъ пособіямъ, кромѣ Гиббона, болѣе безпристрастнымъ и авторитетнымъ, то онъ увидѣлъ бы, что дѣятельность этого великаго императора можетъ доставить обильный матеріалъ гораздо болѣе для опроверженія его схемы, чѣмъ для ея подтвержденія. Приводимъ для примѣра нѣсколько строкъ о Константинѣ изъ „Исторіи“ Папарригопуло, къ которому самъ авторъ относится съ большимъ уваженіемъ. „Кто, спрашиваетъ греческій ученый, находясь среди такого страшнаго религіознаго, общественнаго и политическаго смятенія, дѣйствовалъ съ большею мудростью и умѣренностію? Кто, управляя столь обширною имперіей, волнуемой страстями и борьбою новой религіи съ старою, выказалъ больше отсутствіе ханжества, гуманность и терпимость“? ³⁾.

Преимникамъ Константина В., особенно Θεодосію Младшему и Юстиніану „съ кликой раболѣнныхъ сподвижниковъ“, достается отъ г. Грибовскаго еще болѣе. Ненависть автора къ романизму заходитъ такъ далеко, что онъ

¹⁾ А. Энгельманъ. Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права. Сиб. 1857. Стр. 7.

²⁾ Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Пер. Невѣдомскаго, т. I, предисловіе, стр. 1.

³⁾ К. Παπαρηγοπουλου Ιστοριαι του ελληνικου θρονου. Εν Αθηναϊς 1886, τ. 2, σελ. 553.

противъ всякой очевидности ставить въ счетъ романизму (стр. 91) даже тѣсныя обстоятельства, наступившія для Византіи, благодаря натискамъ персовъ, арабовъ и славянъ. Читателю предлагается думать, что еслибы Юстиніанъ и Ираклій не были романистами, то Византія дѣйствовала бы въ борьбѣ съ этими врагами наступательно, а не оборонительно, какъ она дѣйствовала. Все это, къ сожалѣнію, только грезы г. Грибовскаго. Разбирать тутъ нечего; можно только грезить съ авторомъ. Въмѣсто этого мы обратимся къ характеристикѣ положенія дѣлъ при императорахъ—отчизнолюбцахъ Исаврійскаго дома и другихъ.

Какъ до Льва Исаврянина авторъ не видитъ ничего хорошаго въ исторіи Византіи, такъ, начиная съ правленія этого императора, онъ старается все представить въ розовомъ свѣтѣ. При немъ „власть отказалась отъ насильственного поддерживанія римскихъ традицій и прониклась духомъ націонализма, западники потерпѣли генеральное пораженіе, восточно-греческіе интересы привлекли къ себѣ ближайшее вниманіе правительства и расшатанное государственное равновѣсіе снова приобрѣло, хотя все-таки относительную, устойчивость. Дѣло въ томъ, что приверженцы романизма не положили оружія. Ихъ сопротивленіемъ и происками отмѣчена вся эпоха полнаго торжества освободительныхъ началъ“ (стр. 95).

Итакъ, въ правленіе Льва III все или многое должно было пойти иначе и лучше. Авторъ останавливается прежде всего на выдающихся достоинствахъ законодательнаго памятника, изданнаго при Левѣ и Константинѣ, — Эклогѣ. Памятникъ этотъ, дѣйствительно, замѣчательнъ. Но г. Грибовскій не замедлилъ къ тому, что слѣдовало сказать о немъ, прибавить и то, чего не слѣдовало говорить. — Время изданія Эклоги проф. Васильевскій относитъ къ 726 г., между прочимъ и на томъ основаніи, что въ ней „не имѣется указаній на запрещеніе поклоненія иконамъ и не содержится опредѣленія наказаній за это“. Дѣйствительно, самый первый шагъ Льва противъ св. иконъ — *частное* распоряженіе о снятіи иконы—статуи Спасителя Халкопратіи—былъ слѣланъ въ январѣ 726 г. ¹⁾ Но г. Грибовскому

¹⁾ См. объ этомъ въ нашемъ очеркѣ о патріархѣ Германѣ. Богосл. Вѣстникъ, июнь 1897 г., стр. 310 и далѣе.

это въ высшей степени вѣроятное объясненіе показалось недостаточнымъ и во всякомъ случаѣ мало говорящимъ въ пользу его теоріи. Поэтому онъ добавляетъ: „вполнѣ соглашаясь съ объясненіемъ такового рода, мы не можемъ не высказать догадки, что молчаніе Эклоги относительно иконопочитанія явилось, быть можетъ, точно также уступкой духу восточно-греческой вѣротерпимости и выразило одинъ изъ актовъ политической мудрости монарха—преобразователя“ (стр. 97). Эта догадка имѣетъ много достоинствъ: во 1-хъ, она не нужна, во 2-хъ, она противорѣчитъ тому, что авторъ дальше говоритъ въ своей книгѣ, и въ 3-хъ, она приспособляетъ въ пользу теоріи г. Грибовскаго фактъ, который этой теоріи служить не можетъ.

Но Эклога, не давая сама по себѣ доказательствъ вѣротерпимости Льва, доставляетъ много хлопотъ г. Грибовскому одною своею статьею, свидѣтельствующею, что этотъ императоръ, пожалуй, даже превосходилъ „духовныхъ сыновъ итальянскихъ разбойниковъ“. Статья 52-я 17-го титула Эклоги гласитъ: *οἱ μανιχαῖοι καὶ οἱ μοντανοὶ ξίφεϊ τιμωρεῖσθωσαν*—манихеи и монтанисты подлежатъ наказанію мечемъ. Авторъ рѣшительно не въ состояніи примириться съ этимъ опредѣленіемъ, убивающимъ его теорію, и пускается въ разсужденія, которыя вызываютъ только улыбку. „Приведенный текстъ, говоритъ онъ, есть возможность толковать относительно благопріятно для еретиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, редакція закона въ данномъ случаѣ очень глуха и неопредѣленна (?!). Мы не имѣемъ указаній, чтобы въ царствованіе Льва Исаврянина манихеи и монтанисты подвергались наказанію мечемъ безъ всякаго другого повода, кромѣ образа мыслей. Опытъ принужденія павликіанъ къ крещенію (?!) былъ совершенъ Львомъ въ первые годы его царствованія и затѣмъ болѣе не повторялся; если же мечемъ посягались манихеи и монтанисты за общія уголовныя преступленія, то въ этомъ родѣ наказанія нельзя видѣть какихъ бы то ни было *privilegia odiosa*, такъ какъ и православные подвергались такой же самой карѣ за правонарушенія, предусмотрѣнныя многочисленными статьями тойже Эклоги. При всемъ томъ нарочитое выдѣленіе манихеевъ и монтанистовъ въ законѣ въ особый параграфъ свидѣлствуетъ о вниманіи законодателя къ взглядамъ западной партіи и объ ува-

женіи къ старинѣ, хотя бы только наружномъ“ (стр. 105—106). Это толкованіе въ критикѣ не нуждается: оно само себя прекрасно критикуетъ. Да и самъ авторъ смотритъ на него, какъ на простую шалость своего баловливаго пера: *на тойже страницѣ*, гдѣ помѣщено это толкованіе, авторъ, какъ сейчасъ увидимъ, перестаетъ придавать ему какое-либо значеніе.

Дальнѣйшія сужденія г. Грибовскаго о дѣятельности Льва въ томъ же родѣ. Усмотрѣвъ „актъ политической мудрости монарха преобразователя“ въ томъ обстоятельствѣ, что въ Эклогѣ, нѣтъ прещеній противъ св. иконъ, авторъ продолжаетъ: „въ самомъ дѣлѣ, при допущеніи пробѣла въ Эклогѣ, Льву предоставлялась полнѣйшая возможность пополнить его изданіемъ нарочитой новеллы, еслибы это потребовалось обстоятельствами; однако даже въ самомъ иконоборческомъ указѣ 728 г., повидимому, не содержалось (подлинный текстъ указа утраченъ) уголовной санкціи иконопоклоненія, такъ какъ преслѣдованія начались только въ 730 г. и то за преступленія свѣтскаго характера, лишь косвенно относившіяся къ обрядности. Къ мѣрамъ строгости Льва вынудили сами иконопочитатели, выказывавшіе ему неповиновеніе въ чисто свѣтскихъ дѣлахъ, самъ же онъ, какъ и почти все послѣдующіе государи восточнаго происхожденія и греческаго воспитанія, проявлялъ сознаніе необходимости установленія принципа терпимости. Крутой поворотъ къ мѣрамъ строгости по отношенію иконопочитателей по ходу дѣлъ былъ бы тѣмъ болѣе неестествененъ, что въ свое время Левъ III былъ довѣреннымъ лицомъ императора-западника Анастасія II и въ началѣ своего царствованія не уступалъ въ ревности къ вѣрѣ Θεодосію В. или Юліану. Въ отвѣтъ на волненія свреевъ, еще разъ увлеченныхъ лже-мессіей, онъ распорядился принуждать возмутившихся къ принятію христіанства подъ страхомъ смертной казни за отказъ. Ту же мѣру вначалѣ примѣнилъ онъ къ павликіанамъ, которые, характерная черта, начали было массами сжигать себя въ своихъ храмахъ. Поворотъ къ иконоборчеству совершился въ думѣ Льва не сразу, ему нужно было воочію убѣдиться, до чего дошло умышленное (?) духовное ослѣпленіе народа любостыжательными монахами, и до какихъ размѣровъ выросли невѣжество,

предразсудки и суевѣріе массъ подъ руководствомъ чернаго духовенства“ (стр. 97—98).—Въ этихъ строкахъ почти все сплошь состоитъ изъ ошибокъ и намѣренныхъ искаженій, которыми авторъ хочетъ обѣлить Льва. Говоря объ указѣ 728 г., авторъ на томъ только основаніи, что этотъ указъ не сохранился, замѣчаетъ, что „даже нъ немъ, по видимому, не содержалось уголовной санкціи иконопоклоненія“. Если текстъ указа утраченъ, то къ чему это предположеніе, не имѣющее за себя ничего, кромѣ „повидимому“? Кромѣ того, смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ 728 г. никакого указа издано не было. Онъ появился впервые только въ 730 г. послѣ отставки патріарха Германа ¹⁾). Преслѣдованія же начались не въ 730 г., а въ 726—разумѣемъ случай столкновенія народа въ Халкопратіи съ спаеаро-кандидатомъ Іовиномъ, удалявшимъ по приказанію императора икону-статую Спасителя. Вотъ этотъ, кажется, поступокъ народа, убившаго Іовина, авторъ называетъ „неповиновеніемъ чисто въ свѣтскихъ дѣлахъ“ ²⁾). Спрашивается, что же тогда называть „неповиновеніемъ въ дѣлахъ религіозныхъ“?—Желаніе выставить Льва поклонникомъ „принципа терпимости“ настолько одушевляетъ автора, что онъ готовъ осуществить его цѣною противорѣчія самому себѣ. Не допуская возможности гоненія на иконопочитателей въ первые годы правленія Льва, онъ подкрѣпляетъ свою мысль о неестественности для послѣдняго крутого поворота къ мѣрамъ строгости тѣмъ, что Левъ „въ свое время былъ довѣреннымъ лицомъ императора - западника Анастасія II и въ началѣ своего царствованія не уступалъ въ ревности къ вѣрѣ Θεодосію В. и Юліану“. Короче сказать, Левъ не гналъ сначала иконопочитателей потому, что самъ былъ западникомъ, т. е. человѣкомъ насилія и принужденія. Что мы не искажаемъ мысли г. Грибовскаго, видно изъ того, что онъ въ подтвержденіе западничества Льва тутъ же указываетъ на преслѣдованіе въ первые годы его правленія евреевъ и павликіанъ.—Что касается этого

¹⁾ См. упомянутый нашъ очеркъ тамъ же.

²⁾ Если авторъ разумѣетъ не этотъ фактъ, а возстаніе Козьмы, то суть дѣла не мѣняется: жители Элады и Цикладскихъ острововъ возстали „подвигаемые божественною ревностію“, по свидѣтельству Θεοφана. (Theophanis Chronographia, ed. De Boor, p. 405).

подтвержденія, то первая половина его — ссылка на свреевъ — вѣрна, а вторая заключаетъ въ себѣ ошибку и искаженіе. Левъ имѣлъ дѣло не съ навликіанами, а съ монтанистами, что, конечно, не одно и тоже. Во вторыхъ, г. Грибовскій, въ видахъ обфленія Льва, передастъ дѣло такъ, что можно думать, будто гоненіе на монтанистовъ было воздвигнуто потому, что они начали было сжигать себя массаами. Между тѣмъ лѣтописецъ Теофанъ подъ годомъ 6214 (т. е. 714 + 8—9=722—723) говоритъ ясно: „въ этомъ году царь (Левъ) принудилъ креститься евреевъ и монтанистовъ. Иудеи, противъ воли крещенные, очищались отъ крещенія, принимали св. дары послѣ пищи и оскверняли вѣру. Монтанисты же послѣ гаданій, назначивъ день, собрались въ дома, назначенные для своего заблужденія, и сожгли себя“¹⁾.

Переходя къ оправданію иконоборческой политики Льва Исаврянина, г. Грибовскій, за неимѣніемъ данныхъ для этого оправданія, высказываетъ только рядъ рискованныхъ соображеній. „Обоготвореніе иконъ, говоритъ онъ, какъ порожденіе иноземнаго вліянія (?!), въ корнѣ противорѣчившее *философско-отвлеченному пониманію религіи востокомъ* (sic!), не могло не остановить на себѣ вниманія націоналистовъ... Было бы ошибочно предполагать, что иконоборство всецѣло задумано и поднято Львомъ Исавряниномъ. Еще въ концѣ V-го вѣка епископъ Черополя въ *Сири* Филоксенъ выказалъ намѣреніе отмѣнить поклоненіе иконамъ во всемъ своемъ діоцезѣ. Не задолго до вступленія на престолъ Льва III императоръ Филиппикъ, *армянинъ* по происхожденію, въ 713 г. обнародовалъ законъ, отмѣнявшій иконопочитаніе (?!). Существовали издавна *племени* и *секты востока*, отрицавшія обязательность почитанія св. иконъ; таковы были, напримѣръ, малоазійскіе *армяне*, *навликіане*. Левъ III поэтому вовсе не былъ инициаторомъ иконоборства; волна послѣдняго давно подымалась и нарастала *на востокъ*, и исаврійскій императоръ былъ вынесенъ ею наверхъ и оказался бросающимся въ глаза ея завиткомъ“ (стр. 99—100). — Читатель легко замѣтитъ противорѣчіе въ этихъ соображеніяхъ. Назвавъ „обоготвореніе иконъ порожденіемъ иноземнаго вліянія“, родину

1) Theophanis Chronographia, ed. De Boor, p. 401.

протеста противъ этого обоготворенія авторъ находитъ въ Сиріи, Арменіи, у павликіанъ, вообще—на востокѣ. Послѣднее утвержденіе во всякомъ случаѣ вѣрно, а первое ничѣмъ доказано быть не можетъ. Так. обр., Левъ Исаврянинъ въ своей борьбѣ съ иконами, даже по аргументаціи г. Грибовскаго, былъ выразителемъ не склонностей эллинизма, а стремленій того сброда, который гнѣзвился на восточныхъ окраинахъ имперіи.—Кромѣ противорѣчія въ приведенныхъ разсужденіяхъ г. Грибовскаго есть по обычаю ошибка. Что императоръ Филиппикъ въ 713 г. издалъ указъ противъ иконъ, объ этомъ до сихъ поръ не зналъ ни одинъ церковный историкъ.

Взвѣшивать всѣ другія сужденія г. Грибовскаго о мѣрахъ Льва III противъ Св. иконъ мы отказываемся, потому что эти сужденія изобилуютъ фактическими ошибками: авторъ самъ источниковъ не читалъ, а ведетъ изложеніе на основаніи устарѣвшихъ пособій. Наша же задача теперь не въ указаніи этихъ ошибокъ.

Переходя къ царствованію Константина V Копронима, авторъ говоритъ, что этотъ императоръ „выразилъ принципъ вѣротерпимости самымъ явственнымъ образомъ. Нисколько не стѣсняясь существованіемъ въ уголовныхъ законахъ отца 52 статьи семнадцатаго титула, карающаго мечемъ манихеевъ и монтанистовъ, Константинъ не затруднился на мѣсто вымершей отъ чумы части константинопольскаго населенія перевести изъ Сиріи и Арменіи массы колоновъ павликіанскаго толка, долженствовавшихъ служить императору опорой въ его иконоборческихъ стремленіяхъ“ (стр. 106).—Въ этихъ словахъ все замѣчательно. Во-первыхъ, авторъ раньше 52-ю статью 17-го титула Эклоги старается истолковать въ смыслѣ благопріятномъ для Льва III. Теперь же онъ забываетъ объ этомъ, чтобы выставить на видъ вѣротерпимость Константина, нарушившего ради этой вѣротерпимости постановленіе отца. Во-вторыхъ, авторъ въ этой статьѣ читаетъ прещеніе противъ манихеевъ и монтанистовъ, а Константинъ переводитъ въ Константинополь „колонъ павликіанскаго толка“. Упомянутая статья Эклоги и не могла стѣснять императора.

Вообще намъ кажется, что попытка г. Грибовскаго представить двухъ первыхъ императоровъ Исаврійскаго дома

людьми, считавшимися съ запросами религіозной совѣсти своихъ подданныхъ, по меньшей мѣрѣ неудачна. На византійскомъ тронѣ не было государей, которые бы такъ безцеремонно попирали эти запросы, какъ Левъ III и Константинъ V. *Болѣе пятидесяти тысячъ* чистокровныхъ грековъ они заставили уйти въ одну южную Италію. Это была настоящая новая колонизація цѣлой области, въ которой считалось болѣе двухсотъ чисто-греческихъ монастырей ¹⁾. А между тѣмъ южная Италія была не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ укрывались бѣглецы. Нашъ полуостровъ Крымъ, южное побережье Каспійскаго моря, южная береговая часть Малой Азіи — Ликія, островъ Кипръ, приморская часть Палестины — всѣ эти мѣста, какъ и Италія, служили убѣжищемъ для иконопочитателей при Константинѣ V ²⁾.

Обращаясь къ изображенію взаимнаго отношенія западниковъ и націоналистовъ въ третьемъ періодѣ — отъ Василія Македонянина до Алексѣя Комнина, г. Грибовскій отмѣчаетъ образованіе рядомъ съ двумя крайними партіями партіи умѣренной, „первые признаки появленія которой нужно отнести къ царствованію Льва IV. Когда императрица Ирина пригласила на патріаршій престолъ своего приверженца Тарасія, онъ сразу объявилъ свою программу дѣйствій. Примиряя западниковъ и націоналистовъ въ вопросѣ объ иконопочитаніи, Тарасій вмѣстѣ съ единомышленниками высказывался за сохраненіе свѣтскихъ преобразованій иконоборческихъ императоровъ, но Ирина со Ставракіемъ и монахами не пожелали остановиться на полъ-пути и рѣшили уничтожить все, что напоминало о реформѣ. Восшествіе на престолъ друга Тарасія великаго логоеета Никифора ознаменовалось относительнымъ примѣненіемъ принциповъ умѣренности къ дѣятельности правительства; воззрѣнія примирителей сказались и при Михаилѣ Ранкабѣ, въ царствованіе котораго съ необычайной быстротой во многихъ областяхъ Малой Азіи начало распространяться павликіанство.

¹⁾ Fr. Lenormant. La Grande-Grèce. Paris 1881, t. 2, p. 387; cnf. *Παπαρ-
γοπουλον Ιστορια του ελληνικου εθνους*, т. 3, σελ. 467.

²⁾ Vita S. Stephani Junioris. Migne. Cursus Patrol., ser. gr., t. 100 col. 117—120.

Западникъ по убѣжденіямъ Ранкабэ вмѣнилъ себѣ въ обязанность принять мѣры къ пресѣченію зла и созвалъ нарочитый совѣтъ для опредѣленія плана дѣйствій. Собесѣдовали умѣренные и крайніе правые. Первые настаивали на обращеніи еретиковъ въ лоно церкви кротостію, мирной проповѣдью, расприсропраненіемъ просвѣщенія; вторые безусловно требовали казней, ссылаясь на примѣръ наказанія Богомъ Ананіи и Сафири. Взявъ мнѣнію обѣихъ сторонъ, Михаилъ распорядился обезглавить коновода павликіанъ, но пощадилъ ихъ отъ массоваго избіенія“ (стр. 110).— При чтеніи этихъ строкъ не знаешь, чему больше удивляться—малознанію-ли автора или намѣренному искаженію имъ фактовъ въ пользу своей теоріи. Пока авторъ говоритъ о появленіи партіи умѣренныхъ при Иринѣ, съ нимъ (не съ нимъ собственно, а съ Паларригопуло) нельзя не согласиться. Но какъ только онъ хочетъ освѣтить факты съ точки зрѣнія своей схемы, у него все оказывается изуродованнымъ. По этой схемѣ необходимо должно было оказаться, что „умѣренные“ при Михаилѣ были противъ преслѣдованія павликіанъ, а „западники“ стояли за это преслѣдованіе. Но въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ. Фактъ, на который ссылается г. Грибовскій, состоялъ въ слѣдующемъ. Императоръ Никифоръ, горячій почитатель патріарха Тарасія, по смерти послѣдняго, былъ сильно озабоченъ пріисканіемъ для столичной кафедрѣ челоувѣка, который былъ бы продолжателемъ церковной политики Тарасія. Выборъ его палъ на бывшаго секретаря Никифора, челоувѣка очень мягкаго, деликатнаго и высокообразованнаго богослова. Этимъ выборомъ было крайне недовольно недавно страдавшее отъ иконоборцевъ монашество съ Θεодоромъ Студитомъ во главѣ, желавшее видѣть на патріаршемъ престолѣ челоувѣка изъ своей среды, радѣтеля своихъ интересовъ. Недовольство это постоянно прорывалось наружу при малѣйшемъ поводѣ: какъ извѣстно, изъ за дѣла эконома Іосифа монашество и Θεодоръ Студитъ прервали общеніе съ патріархомъ. Послѣ собора 809 г. въ церкви образовался настоящій расколъ ¹⁾. Если пользоваться терминологіей г. Грибовскаго,

¹⁾ См. объ этомъ подробно у проф. А. Н. Лебедева въ Исторіи Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка, стр. 7. Тутъ же исчерпывающая характеристика партіи строгихъ и умѣренныхъ.

то слѣдуетъ патріарха Никифора и лицъ, ему сочувствовавшихъ, причислить къ „умѣреннымъ“, а монашество съ Θεодоромъ Студитомъ—къ „крайней правой“. Какъ же держать себя эти стороны въ вопросѣ объ отношеніи къ павликіанамъ? Благодаря воздѣйствию патріарха Никифора, императоръ Михаилъ „объявилъ смертную казнь павликіанамъ“¹⁾. Началось избіеніе послѣднихъ въ пограничныхъ восточныхъ областяхъ... Въ самой столицѣ и вблизи ея примѣненіе императорскаго эдикта встрѣтило энергичный протестъ со стороны Θεодора Студита, который возмущался при видѣ наступавшей рѣзни. Патріарху онъ заявилъ, что „церковь не мститъ мечемъ“, а императору, „требовавшему одобренія на убійство“, онъ отвѣтилъ: „скорѣе пусть снимутъ мою голову, чѣмъ я дамъ согласіе на это“²⁾. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ столицѣ пострадалъ только одинъ изъ павликіанъ—пустынникъ Николай, наказанный урѣзаніемъ языка за то, что раскололъ и поносилъ икону Богоматери. У аѳингановъ, т. е. монтанистовъ, были конфискованы имѣнія; всѣхъ ихъ отправили въ еѳему Анатолійскую подъ надзоръ Льва, будущаго императора Льва V³⁾. Эти сравнительно мягкія мѣры были, несомнѣнно, уступкою Θεодору Студиту.—Таковъ фактъ. Въ своемъ настоящемъ, а не въ искаженномъ видѣ онъ, очевидно, является опроверженіемъ, а не доказательствомъ теоріи автора: „требовали казней“ не члены „крайней правой“, а „умѣренные“.

Слѣдить далѣе за примѣненіемъ схемы г. Грибовскаго нѣтъ возможности: для этого пришлось бы написать цѣлую книгу. Отмѣтимъ только нѣсколько наиболее типичныхъ случаевъ, гдѣ авторъ спотыкается на факты. Раньше уже говорилось, что г. Грибовскій очень благосклонно смотритъ на императора Алексѣя Комнина, который „окончательно примирилъ крайности, отводя каждому изъ началъ византизма подобающее ему мѣсто“ (стр. 80). „Комнинъ не копался въ душѣ человѣческой. Преслѣдуя съ виѣшной стороны римскій принципъ религіознаго единства или, лучше

¹⁾ Theophanis Chronographia, ed. De Boor, p. 495.

²⁾ S. Theodori Studiti Epistolarum lib. 2, n. 155. Migne.Cursus Patrol., ser. gr., t. 99, col. 1485—1486.

³⁾ Theophanis Chronographia, p. 495—497.

сказать, подчиненія, онъ требовалъ хотя бы только наружнаго примиренія, соблюденія формы“ (стр. 131). Но тутъ г. Грибовскому приходится натолкнуться на фактъ отношенія Алексѣя къ богомиламъ, который цѣликомъ опровергаетъ отзывы автора объ этомъ императорѣ. Г. Грибовскій употребляетъ всѣ усилія, что бы представить это отношеніе въ такомъ видѣ, какого оно не имѣло въ дѣйствительности. Сожженіе на кострѣ богомила Василія авторъ считаетъ „вынужденною жестокостію“ Алексѣя (стр. 132—133). Кто же его вынуждалъ? Извѣстный церковный историкъ проф. Лебедевъ излагаетъ дѣло совершенно иначе ¹⁾ и кончаетъ свое изложеніе слѣдующимъ заключеніемъ:.... „Конечно, едва-ли кто похвалитъ Алексѣя Комнина, который въ настоящемъ случаѣ ревность къ церкви проявилъ въ коварствѣ и *безцѣльной жестокости*. При этомъ мы должны припомнить, что къ такимъ страннымъ мѣрамъ не прибѣгали въ лучшую пору жизни церкви, напр. въ IV и V вѣкахъ“. Для г. Грибовскаго этотъ отзывъ долженъ оказаться неожиданностію. По его схемѣ выходитъ, что чѣмъ дальше отъ Константина В. и Θεодосія, тѣмъ лучше, а оказывается какъ разъ наоборотъ. Бѣдная схема!

Дальнѣйшія приключенія съ теоріей автора уже просто комичны. — Въ правленіе Македонской династіи борьба иконоборцевъ и иконопочитателей стихла. Но вѣдь романизмъ г. Грибовскаго былъ еще живъ. Онъ требовалъ новой борьбы. Партіи должны были явиться снова: безъ нихъ послѣдовала бы кончина схемы автора. И вотъ „западничество превратилось, если можно такъ выразиться, въ *западничество отечественное*, т. е. безъ непосредственнаго подчиненія западу въ дѣйствительности, оно усвоило себѣ нѣкоторые его идеалы и прежде всего идеалъ папства въ перенесеніи его на византійскую почву. Мы говоримъ о папистическихъ стремленіяхъ константинопольскихъ патріарховъ, домогавшихся не только относительной самостоятельности, но—и прямого подчиненія себѣ свѣтскаго монарха“ (стр. 118) ²⁾. —

1) Очерки исторіи Византійско-восточной церкви съ конца XI до половины XV в., стр. 224—223.

2) Объ этихъ папистическихъ стремленіяхъ константинопольскихъ патріарховъ авторъ подробно говоритъ въ концѣ книги. До конца статьи и мы откладываемъ обсужденіе соображеній г. Грибовскаго по этому вопросу.

Но этого мало. Эллинизм г. Грибовскаго такъ наступалъ на романизмъ, что въ концѣ концовъ западники „превратились въ націоналистовъ“, а „націоналисты“ — въ „западниковъ“, т. е. получилось уже нѣчто ужасное. Мы не шутимъ. Внукъ императора Алексѣя Комнина Мануиль „старался продолжать начинавша предковъ. Онъ постоянно указывалъ духовенству на идеалы жизни, завѣщанные Божественнымъ Основателемъ христіавской религіи; онъ возобновилъ законъ Никѣфора Фоки, запрещавшій монастырямъ пріобрѣтеніе новыхъ недвижимыхъ имуществъ, хотя и не отнималъ старыхъ; онъ гласно порицалъ стремленіе многихъ императоровъ воздвигать монастыри въ модныхъ городахъ, между тѣмъ какъ по смыслу монашескихъ обѣтовъ обители должны быть построены въ мѣстахъ уединенныхъ, суровыхъ, дикихъ и тѣмъ удобныхъ для подвижничества и пр. Не трудно усмотрѣть за всѣми этими мѣрами и сужденіями одну постоянную цѣль ослабленія силы и господства западнической партіи“ (стр. 136). Черезъ страницу авторъ говоритъ: „приспособляясь къ обстоятельствамъ, ново-западники съумѣли во время преобразовать свою программу и заручиться расположеніемъ народа при помощи провозглашенія однимъ изъ своихъ принциповъ начала народности. Комнины же допустили ошибку, сошли съ почвы націонализма и въ противовѣсъ паннстическимъ замысламъ патріарховъ съ духовенствомъ сами завязали тѣсныя сношенія съ западомъ. Произошло это потому, что византійскіе монархи конца XI и начала XII в., чувствуя въ отечествѣ подъ ногами всегда колеблющуюся почву, полагали возможнымъ искать точки опоры извнѣ“ (стр. 138). Отсюда Константинополь наполняется латинянами, которые получали отъ императора всякія льготы и преимущества въ ущербъ грекамъ. Ожесточеніе послѣднихъ противъ пришельцевъ было очень сильно и прорывалось въ мятежахъ и рѣзнѣ латинянъ. По замѣчанію автора однимъ изъ кровавыхъ возстаній при Мануилѣ руководили монахи, т. е. западники (стр. 139). А императоръ—націоналистъ тѣмъ временемъ велъ переговоры о соединеніи церквей и возвращеніи ему *Romanі соgопа іmрегіі*. — Такимъ сопоставленіемъ авторъ заканчиваетъ свой обзоръ борьбы партій націоналистовъ и западниковъ. Онъ совершенно искренно убѣжденъ, что это

сопоставленіе не содрезитъ никакого противорѣчія и пре красно подтверждаетъ его схему.

Г. Грибовскій не слѣдитъ за жизнію византійскаго общества послѣ взятія Константинополя латинянами. Если бы онъ это сдѣлалъ, то мы могли бы ожидать не только появленія „западничества отечественнаго“, но и еще чего-либо болѣе удивительнаго.

Отмѣченныя нами противорѣчія между фактами и схемой г. Грибовскаго, предназначенной для ихъ объясненія, намъ кажется, достаточно говорятъ противъ этой схемы. Мысль о борьбѣ романизма и эллинизма сама по себѣ не лишена значенія, но только въ приложеніи къ исторіи греко-римскаго права. Она не разъ уже высказывалась въ юридической литературѣ, напр. въ трудахъ Энгельмана, Мортрейля и др. Но никто не думалъ объяснять при помощи ея одной всю жизнь и исторію Византіи, никто не формулировалъ ее такъ односторонне, какъ это сдѣлалъ г. Грибовскій. Результаты этой односторонности не замедлили сказаться: факты, какъ мы видѣли, часто и сильно страдаютъ у г. Грибовскаго, лѣзутъ изъ подъ его схемы и разрушаютъ ее.

И. Андреевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
